

Научная статья

УДК 314.728

DOI: 10.17072/2079-7877-2026-3-82-94

EDN: FYEFIL

**МИГРАЦИОННАЯ ПОДВИЖНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА:
ВНУТРЕННИЕ КОНТРАСТЫ ПЕРИФЕРИИ****Ксения Владимировна Парфенова** ✉, **Лариса Михайловна Фалейчик**

Институт природных ресурсов, экологии и криологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Чита, Россия

✉ gorina08@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-7731-4871, Scopus Author ID: 57195959454, ResearcherID: E-4695-2018,

SPIN-код: 9415-1818, РИНЦ AuthorID: 618825

Аннотация. На основе анализа генезисной структуры населения территорий Байкальского региона представлены пространственные особенности миграционной подвижности его населения. Анализ выполнен на открытых данных результатов Всероссийских переписей населения разных лет с применением методов статистического и сравнительно-географического анализа и геоинформационных технологий. Выявлены основные различия в направлениях миграционных потоков населения территорий Байкальского региона (БР). В их формировании первоочередно участвует пришлое для регионов население, ранее уже имевшее миграционный опыт. Во всех территориях БР к 2020 году отмечалась существенная миграционная убыль как местных уроженцев, так и приехавших жителей, причем отток последних является преобладающим. На основе анализа изменений численности местных уроженцев и приехавшего населения в муниципальных образованиях (МО) территорий БР установлено, что по потерям приехавшего населения и приросту числа местных уроженцев лидирует Иркутская область. В Республике Бурятия рост числа местных уроженцев в значительной степени обусловлен высокой рождаемостью и внутрирегиональной миграцией, а в Иркутской области и Забайкальском крае – в большей степени внутрирайонными перемещениями. Подвижность сельского населения последнего отличается высокими абсолютными значениями миграционного оттока в сравнении с соседними регионами. Выполнена дифференциация территории БР по миграционной привлекательности ее МО и приживаемости приехавшего населения. Полученные результаты могут использоваться для детализации картины миграционной ситуации в Байкальском регионе в контексте территориальной подвижности и оседлости его жителей, а также для разработки индивидуального подхода в решении существующих проблем каждого региона.

Ключевые слова: миграционная подвижность, Забайкальский край, Иркутская область, Республика Бурятия, местные уроженцы, новосёлы, старожилы

Финансирование. Работа выполнена в рамках Государственного задания Института природных ресурсов, экологии и криологии Сибирского отделения Российской академии наук, № госрегистрации 126020216343-0

Для цитирования: Парфенова К. В., Фалейчик Л. М. Миграционная подвижность населения Байкальского региона: внутренние контрасты периферии // Географический вестник = Geographical bulletin. 2026. № 3(78). С. 82–94. EDN: FYEFIL DOI: 10.17072/2079-7877-2026-3-82-94

Original article

DOI: 10.17072/2079-7877-2026-3-82-94

EDN: FYEFIL

**MIGRATION MOBILITY OF POPULATION WITHIN THE BAIKAL REGION:
INTERNAL CONTRASTS OF THE PERIPHERY****Kseniya V. Parfenova** ✉, **Larisa M. Faleychik**

Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Chita, Russia

✉ gorina08@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-7731-4871, Scopus Author ID: 57195959454, ResearcherID: E-4695-2018,

SPIN-code: 9415-1818, eLibrary AuthorID: 618825

Abstract. The article presents the spatial features of the migration mobility of the Baikal region (BR) territories' population, identified through an analysis of the population's genesis structure. The analysis was conducted using open data from All-Russian Population Censuses of various years, employing statistical and comparative geographic analysis methods and geoinformation technologies. The study has identified the main differences in the directions of migration flows of the BR territories' population. These flows are primarily driven by newcomers with prior migration experience. By 2020, all BR territories had experienced significant migration losses of both local natives and newcomers, with the

© Парфенова К. В., Фалейчик Л. М., 2026

Лицензировано под CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

latter outflow being predominant. An analysis of changes in the numbers of local natives and immigrants in the municipal districts of the Baikal region has revealed that Irkutsk Oblast leads in terms of immigrant population losses and growth in the number of local natives. In the Republic of Buryatia, the increase in the number of native-born population is largely due to high birth rates and intraregional migration, while in Irkutsk Oblast and Trans-Baikal Krai, it is mainly caused by intraregional movements. The rural population mobility in Trans-Baikal Krai is characterized by high absolute migration outflow values compared to neighboring regions. We have differentiated the BR territory by migration attractiveness of its municipal districts and the migrants' tendency to get settled. The obtained results can be used to detail the migration situation in the Baikal region in the context of the territorial mobility and sedentism of its residents and to develop an individual approach to addressing the existing problems of each region

Keywords: migration mobility, Trans-Baikal Territory, Irkutsk Region, Republic of Buryatia, local natives, new settlers, long-time residents

Funding. The research was carried out under the state assignment of the Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences No. 126020216343-0

For citation: Parfenova K. V., Faleychik L. M. Migration mobility of population within the Baikal region: Internal contrasts of the periphery. *Geographical Bulletin*, 2026, no. 3(78), pp. 82–94. EDN: FYEFIL DOI: 10.17072/2079-7877-2026-3-82-94

Введение

Байкальский регион является уникальной территорией России с особой историей освоения и заселения, являющейся мостом между Западом и Востоком страны. Регион представлен тремя субъектами Российской Федерации – Иркутской областью, Республикой Бурятия и Забайкальским краем, характеризующимися разнообразием и спецификой природы, географии, населения и социально-экономического развития. На современном этапе для них одним из объединяющих явлений становится высокая миграционная подвижность населения.

Территориальные перемещения жителей, или пространственная мобильность населения, рассматриваемая учеными разных областей, является одной из актуальных тем как в мире, так и в России. Активные миграционные процессы современности приводят к появлению новых пространственных связей между территориями и местами, а также производными этих процессов, что определяет поливариантность тем для географического изучения. Так, Т. Лакруа отмечает, что миграция порождает взаимную мобильность людей, денег, товаров, идей, символов, ценностей и т.д. [24]. Примерами подобных исследований служат работы, отражающие явление мобильности как формы распространения инновационных знаний [20], мобильности идей в изучении глобальных политических потоков в процессе их перемещения от места к месту [19; 22] и др. Новые акценты изучения пространственной мобильности нашли отражение в «парадигме мобильности», формирующей географию повседневной жизни человека [29], и в «пространственном повороте» в социальных науках, подчеркивающих важность пространства и места для понимания миграционных процессов [26]. Современное тематическое разнообразие в изучении миграционных аспектов в зарубежных работах, по мнению Р. Кинга, можно разделить на четыре направления: «поворот к мобильности», транснационализм, исследования диаспор, гендерные подходы [23]. При этом сохраняется традиционный характер исследований территориальной подвижности населения, все более четко демонстрирующих неравномерность протекающих процессов в полимасштабном контексте в условиях меняющегося мира. Среди множества зарубежных работ в качестве примера контрастности можно указать исследования, отмечающие, с одной стороны, усиление миграционной подвижности населения Китая [30]; с другой стороны, отмечающие снижение географической мобильности жителей США, побуждающее исследовать вопросы их оседлости [21]. Неравномерности миграционных процессов в пространстве России посвящены работы О.Л. Рыбаковского [14], И.И. Кореля и Л.В. Корель [10], Л.Б. Карачуриной, Н.В. Мкртчяна [9] и др.

Проблемы миграционной активности переселенцев с точки зрения продолжительности их проживания на территории в зарубежных работах изучались К. Ландом [25] и П. Мориссоном [28], вопросы взаимосвязи миграционных процессов и адаптации мигрантов рассматривались в исследованиях [18; 27].

В отечественных исследованиях вопросам взаимосвязи миграции и продолжительности проживания на территории, приживаемости переселенцев в местах вселения были посвящены работы демографов и социологов Ж. А. Зайончковской, В. И. Переведенцева, Л. Л. Рыбаковского [8; 13]. Современные аспекты миграционной привлекательности регионов и связанные с ней процессы закрепляемости пришлого населения нашли отражение в работах А. В. Топилина, С. И. Абылкаликова и др. [1; 2; 11; 16]. Однако анализ отечественной литературы, посвященной данной тематике, не выявил работ по миграционной подвижности населения Байкальского региона, связанной с постоянством проживания на территории, и по приживаемости новосёлов в местах своего вселения. По этой причине данную работу можно считать продолжением и логическим дополнением проведенных ранее многочисленных исследований по миграции населения рассматриваемых территорий [3; 5; 6; 7; 15].

В предлагаемой статье рассматривается вопрос миграционной подвижности местных уроженцев и приехавших (переселенцев) в контексте ее влияния на генезисную структуру постоянного населения. Авторы попытаются показать пространственную неоднородность миграционных процессов на территории Байкальского региона (БР), их специфичность и самобытность. Данное исследование направлено на детализацию картины миграционной ситуации в Байкальском регионе в контексте территориальной подвижности и оседлости его

жителей. Кроме того, анализ этих особенностей на региональном и внутрирайонном уровне позволит показать специфику протекания явлений на периферии страны.

Материалы и методы

Статистической базой исследования являются данные Всероссийской переписи населения (ВПН) разных лет и информация статистических управлений в регионах. Обработка данных выполнена методами статистического и сравнительно-географического анализа с использованием геоинформационных технологий.

Методологической основой характеристики миграционной подвижности населения служат исследования Ж. А. Зайончковской, В. И. Переведенцева, Л. Л. Рыбаковского [8; 13]. Для анализа генезисной (генетической) структуры населения Байкальского региона по данным ВПН 2010 и 2020 гг.¹ рассчитаны ее компоненты: доли *местных уроженцев* – жителей, родившихся на своей территории и непрерывно на ней проживающих, и *пришлых жителей/мигрантов* – уроженцев других территорий. Среди последних рассматриваются доли «*новосёлов*» и «*старожилов*». К категории «новосёлов», по Л. Л. Рыбаковскому, отнесены люди, проживающие менее 10 лет в месте жительства, «не успевшие обрести» прочными социальными связями и сохранившие большую миграционную подвижность [13]; к «старожилам» – люди, прожившие более 10 лет в месте жительства, которые становятся более закрепленными и менее подвижными, по этой причине величину этой прослойки можно считать индикатором приживаемости пришлого населения в местах вселения. Среди категории новосёлов рассчитан удельный вес жителей, проживающих на территории вселения не более 2-х лет. Именно эта прослойка жителей может выступать показателем миграционной привлекательности территории [1; 16]. Остальное население формирует категорию «*переходных мигрантов*», у которых *продолжительность непрерывного проживания* (ПНП) в местах вселения составляет от 2 до 10 лет.

Результаты и их обсуждение

Миграционная подвижность территорий Байкальского региона различна от региона к региону, население теряют все субъекты, но этот процесс для всех различный, что определяет специфику территорий. Наибольшая миграционная потеря населения сохраняется в Иркутской области и Забайкальском крае, а в Республике Бурятия в последние годы она снижается (рис. 1). При этом для Иркутской области миграционная убыль населения идет в основном за счет ресурсов городской местности, а в Забайкальском крае продолжается истощение сельской. В Республике Бурятия несколько иная ситуация – показатели миграционной убыли значительно ниже с наличием прироста в 2010 и 2020 гг., теряют и городская, и сельская местность, но значительно меньше, чем соседние субъекты.

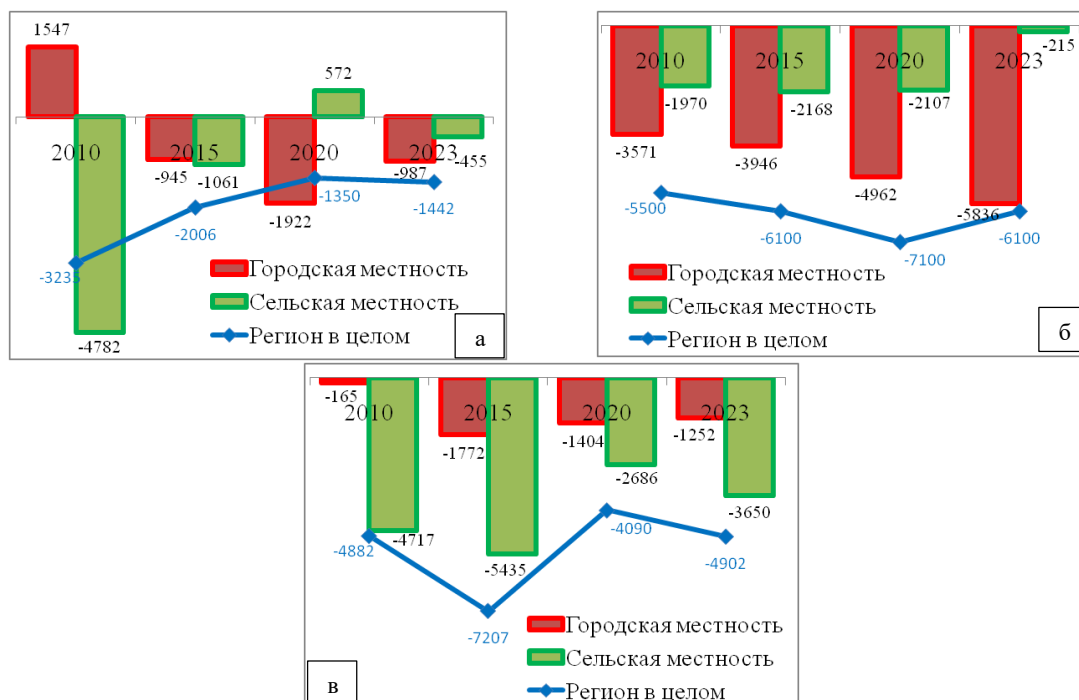


Рис. 1. Миграционный прирост/убыль населения Байкальского региона в динамике, чел.:

а) Республика Бурятия; б) Иркутская область; в) Забайкальский край

Fig. 1. Migration increase/decrease in the population of the Baikal region territories in dynamics, people:

а) The Republic of Buryatia; б) The Irkutsk Region; в) the Trans-Baikal Territory

¹ Из-за отсутствия альтернативных источников информации авторы используют итоги ВПН 2020, несмотря на их дискуссионный характер и относительную неполноту данных.

Анализ *внутрирегиональных перемещений* позволяет говорить о большей подвижности сельского населения Забайкальского края (рис. 2) – у него самые высокие значения миграционного оттока, что указывает на наличие значительного кризиса и большую депопуляцию по сравнению с другими регионами. В Иркутской области истощение ресурсов села значительно меньше, но также преобладает отток. Позитивными моментами отличается динамика перемещений населения в Республике Бурятия: на фоне значительно сократившегося в 2010 г. миграционного оттока из сельской местности в 2020 г. отмечался прирост населения. Для региона характерны высокие значения внутрирегиональных перемещений на протяжении ряда лет, отмеченные также Ю. Г. Бюраевой [5].

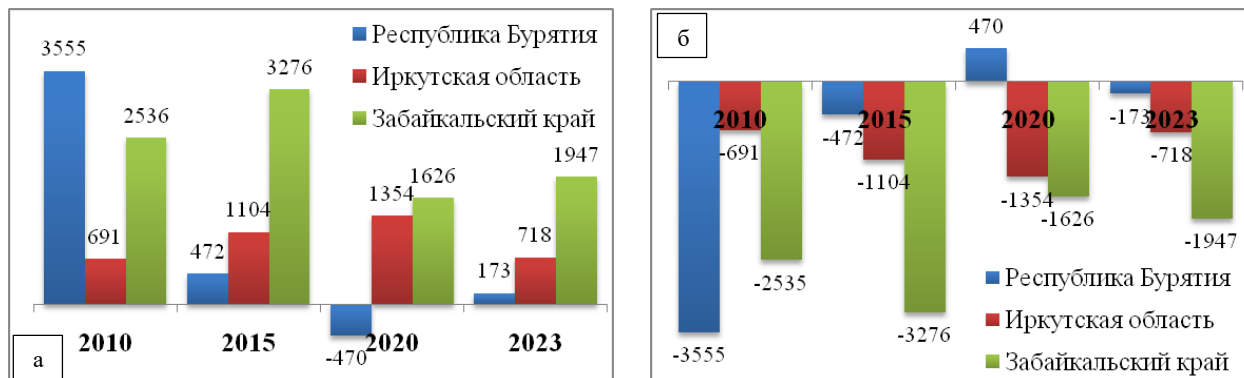


Рис. 2. Внутрирегиональная миграция населения Байкальского региона, чел.:

а) городская местность; б) сельская местность

Fig. 2. Intra-regional migration of the population of the Baikal region, people: а) urban area; б) rural area

В контексте представленных межрегиональных различий особый интерес вызывает вопрос – кем же формируются миграционные потоки? Что является ресурсом для подпитки миграционных процессов на фоне депопуляции населения регионов? Не рассматривая традиционные социально-демографические характеристики мигрантов, проанализируем миграционную составляющую с точки зрения генезисной структуры населения в зависимости от продолжительности его проживания на территории.

Генезисная структура отражает устойчивость местного сообщества, является ядром формирования постоянного населения территории, базовой составляющей демографического потенциала [4]. К населению, обладающему наибольшей устойчивостью в миграционном отношении, относят местных уроженцев, имеющих прочные социальные связи с районом проживания: вероятность их переселения минимальна по сравнению с другими группами по ПНП [11; 17]. Новосёлы, наоборот, «обладают» намного большей миграционной подвижностью, чем местные уроженцы и те, кто переселился длительное время назад [1]. Основываясь на этом, авторы данного исследования оценивают миграционную подвижность населения БР на основе анализа пропорций местных уроженцев и переселенцев. Это позволит говорить о вкладе мигрантов в миграционную подвижность/стабильность жителей той или иной территории, что согласуется с мнением В. М. Моисеенко о том, что «в решающей степени миграционная подвижность зависит от генетической структуры населения» [12, с. 178]. С некоторой оговоркой, ссылаясь на закон подражания социолога Ж. Г. Тарда, можно говорить и о миграционной подвижности населения в целом – о влиянии миграционного настроения отъезжающих на остающееся на территориях население.

Динамика доли местных уроженцев по территориям Байкальского региона имеет волнообразный характер (рис. 3). В конце XX века по регионам эта доля не достигала 50 %, что отражает высокую прослойку мигрантов в структуре населения. С началом XXI века наблюдается ее трансформация, связанная как со снижением прослойки приезжих и миграционной привлекательности регионов, так и со снижением общей миграционной подвижности населения. В целом это подтверждает мнение С. В. Ходенко о снижении роли миграционных процессов в формировании населения за последние десятилетия [17]. Оказывают влияние и переход прошлых респондентов в старшие возрастные группы при ответах по вопросам переписей, и естественные процессы убыли населения. Современный этап характеризуется высокой долей местных уроженцев за весь более 30-летний период по всем регионам, при этом лидирует здесь Забайкальский край (67 %).

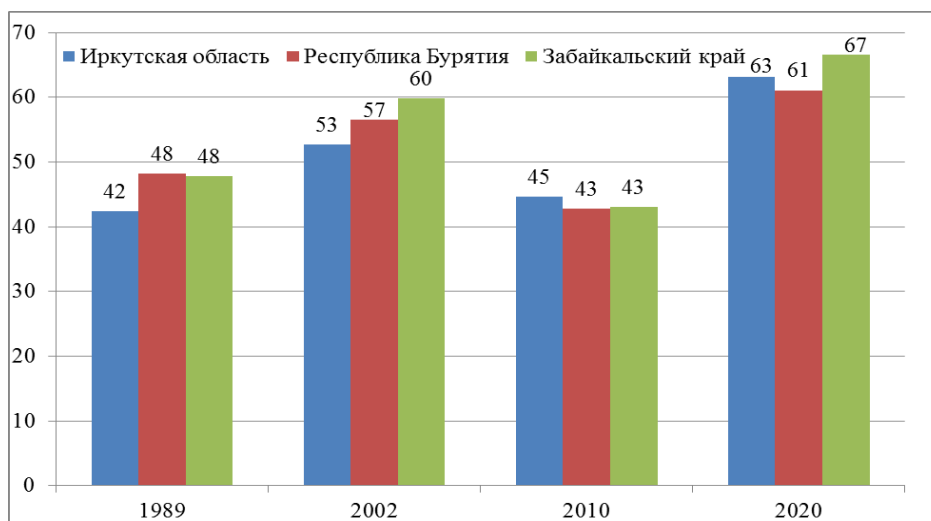


Рис. 3. Доля населения, проживающего в месте своего рождения непрерывно, %

Fig. 3. Share of population living continuously in their place of birth, %

Дополняет характеристику структура приезжих жителей. Она позволяет говорить о миграционной привлекательности регионов по доле новосёлов, проживших в местах вселения не более 2-х лет, а также демонстрирует приживаемость мигрантов на основе прослойки старожилов. Так, для всех регионов характерно значительное сокращение доли новосёлов с 1989 г. (табл.). Социально-экономические и политические катаклизмы конца XX в. отразились на структуре мигрантов, а также на их миграционной активности и привлекательности регионов. В настоящее время доли новосёлов в Республике Бурятия и Забайкальском крае практически одинаковы.

Доля переходных мигрантов по регионам за весь период значительно не сократилась, основные изменения коснулись доли старожилов – к настоящему времени она увеличилась за счет сокращения прослойки новосёлов и включения в состав населения на постоянное жительство переходных мигрантов. Сравнение регионов по доле старожилов приводит к выводу, что в 2020 г. наибольшая приживаемость мигрантов наблюдалась в Иркутской области.

Внутрирегиональные различия: искусственная стабильность на фоне высокой миграции. Показатель миграционной подвижности населения территорий Байкальского региона, основанный на продолжительности непрерывного проживания (по ВПН 2020), имеет значительную пространственную неоднородность (рис. 4). В *первой группе* муниципальных образований (МО) с долей местных уроженцев выше 70 % – почти 1/3 МО Республики Бурятия и только 15 % районов Иркутской области, что говорит о *миграционной подвижности* жителей этих регионов преимущественно за счет пришлого населения с небольшим периодом вселения.

Парадоксальная ситуация наблюдается в Забайкальском крае: на фоне продолжающегося значительного миграционного оттока населения из региона в большинстве его районов (в 17 из 31) наблюдается «замедленность» миграционных процессов: в составе населения незначительные прослойки мигрантов и высокие доли (более 70 %) местных уроженцев (рис. 4). Сложившаяся ситуация может объясняться несколькими причинами. С одной стороны, доли местных уроженцев по МО не отражают внутрирайонных движений жителей²: даже перемещаясь по внутрирайонной иерархии поселений, по факту они сохраняют свое место проживания в районе. Результаты переписей, размещенные в открытом доступе, не предоставляют данных о численности непрерывно живущих с рождения по населенным пунктам, лишь по МО, что приводит к «искусственному» завышению исследуемых показателей. Так, уроженец села Доронинское Улетовского района Забайкальского края при переезде на ПМЖ в с. Улеты укажет районом своего рождения и непрерывного проживания Улетовский. Это потоки внутрирайонной миграции, формируемые местными уроженцами этих МО. Усугубляющиеся проблемы социально-экономического характера определяют их дальнейшую миграцию за пределы МО. Сам факт того, что наиболее привязанная к своей малой родине и устойчивая в миграционном отношении прослойка населения становится миграционно подвижной, говорит о значительном кризисе проживания в данном месте. С другой стороны, высокая доля местных уроженцев связана с низкой степенью закрепляемости и приживаемости переселенцев, за счет которых идет первоочередное формирование и

² На сайте Росстата в Методологических пояснениях говорится только о населенных пунктах, в связи с чем, авторы делают данное предположение по МО – «Непрерывность проживания считалась прерванной для тех лиц, которые родились и проживали в этом населенном пункте, но выезжали в другой населенный пункт, например, на учебу в институт (или работу) и проживали по месту обучения (работы), а также при переезде на постоянное место жительства из одного населенного пункта в другой» https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom6_met_VPN-2020.pdf

наполнение миграционных потоков, и с влиянием пандемийного периода, обусловившего снижение миграционной подвижности населения.

МО второй группы с прослойкой местных уроженцев от 54 до 70 % характеризуются *повышенной миграционной подвижностью*. Территориально к ним относятся более освоенные части регионов с хозяйственной и инфраструктурной составляющей, в том числе и районы, прилегающие к Транссибирской магистрали.

Третья группа МО с высокой миграционной подвижностью с долей местных уроженцев менее 53 % находится в основном на севере Иркутской области и в Республике Бурятия (в пригородных районах Иволгинском – 33 % и Тарбагатайском – 45 %). В Забайкальском крае с этими показателями выделялось 2 приграничных района – Ононский (53 %) и Краснокаменский (51 %).

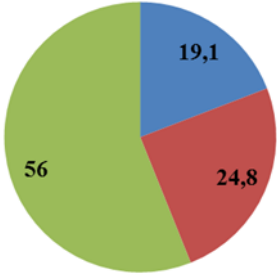
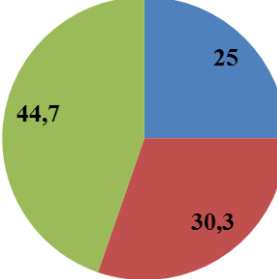
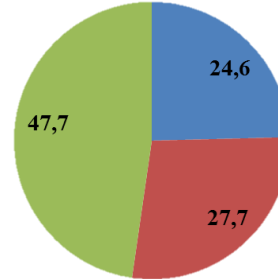
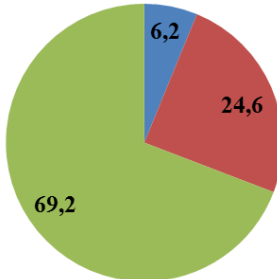
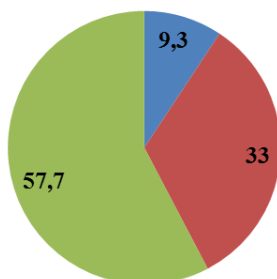
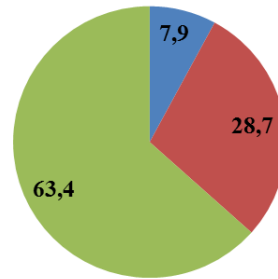
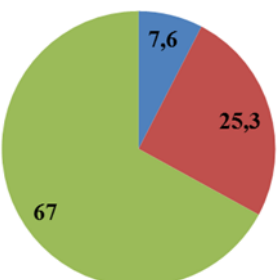
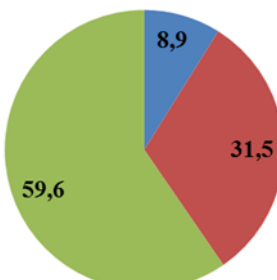
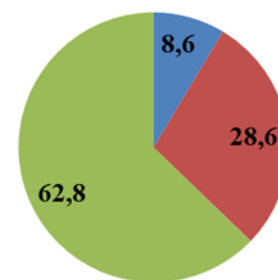
Структура мигрантов в МО (рис. 4) отражена в диаграммах, радиус которых пропорционален их доле в общей численности населения МО.

Таблица

Table

Структура мигрантов в населении территорий Байкальского региона по данным переписей 1989, 2015, 2020 гг.

The structure of migrants in the population of the Baikal region according to the 1989, 2015, 2020 censuses

Перепись	Иркутская область	Республика Бурятия	Забайкальский край
1989			
2015			
2020			
■ новоселы 2-х летки ■ переходные ■ старожилы			

Для всех регионов в разной степени прослеживается тенденция *увеличения миграционной подвижности жителей с севера на юг*. Северные территории БР, характеризующиеся слабой заселенностью и освоенностью, отличаются и большей долей мигрантов в структуре населения, а значит, и большей миграционной подвижностью жителей. Сложные природно-климатические условия проживания и трудности создания и сохранения инфраструктурного каркаса этих территорий являются выталкивающими факторами миграции, проявляющимися на севере Иркутской области (МО Мамско-Чуйский – 53 % местных уроженцев и др.) и Республики Бурятия (Северо-Байкальский – 52 % и др.). В данном случае географическая удаленность от региональных центров в контексте миграции перестает играть определенную роль – сжатие демографического пространства территорий начинается с их окраин. Сдерживающими факторами миграции на севере отчасти

выступают функционирующая на территории Байкало-Амурская магистраль и ее обслуживание, наличие горнодобывающей и других видов промышленности. Для Забайкальского края этот тренд имеет менее выраженный характер: доля местных уроженцев на севере региона (в Каларском районе) выше – 56 %. Более высокие значения показателя в северных районах края – Тунгиро-Олекминском, Тунгокоченском, Могочинском – можно объяснить меньшей связанностью пространства северных территорий с центральной частью региона, их слабой освоенностью и заселенностью. С некоторой долей оговорки можно также сказать, что те, кто мог уехать из этих мест, сделали это уже ранее, поскольку демографические ресурсы территорий ограничены.

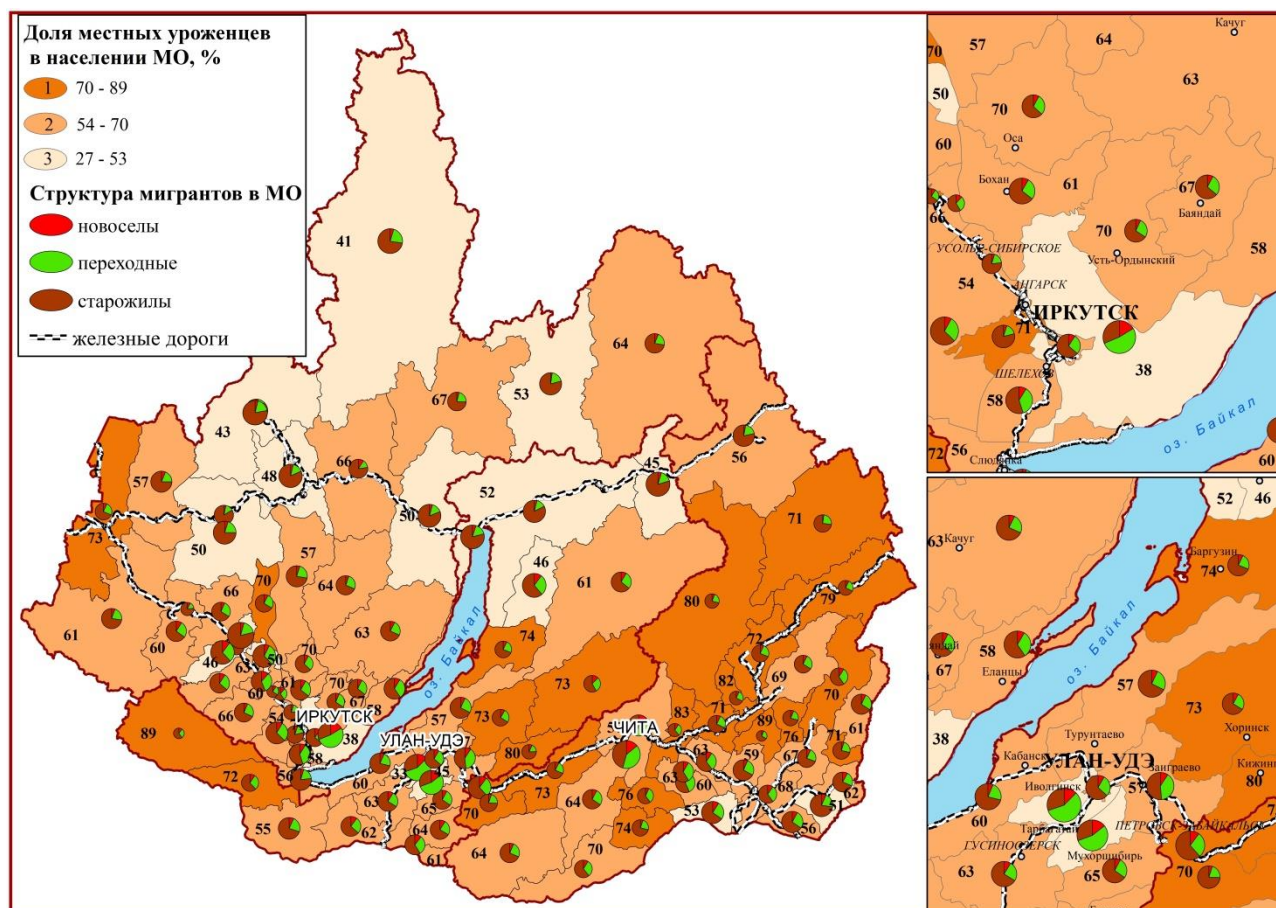


Рис. 4. Дифференциация Байкальского региона по доле местных уроженцев и структуре мигрантов по данным ВПН 2020 г.

Fig. 4. Differentiation of the Baikal region by the share of local natives and the structure of migrants according to the 2020 All-Russian Population Census

С другой стороны, в БР находят отражение *центрально-периферийные аспекты миграционной подвижности населения*. Доля местных уроженцев в МО снижается при движении от окраин к центральной части регионов – в пригородных районах она достигает своего минимума. Это зоны активного внутрирегионального перемещения жителей, субурбанизации и концентрации населения, конечные пункты маршрутов сельской миграции. Доля мигрантов в структуре населения здесь велика. Так, доля местных уроженцев для Иркутского района составляла 38 %, а Читинского – 57 %. Меньшая миграционная подвижность населения наблюдается в наименее привлекательных для мигрантов районах и значительно удаленных от столиц регионов – в южных, западных и восточных частях. В Иркутской области это Тайшетский район – 73 % местных уроженцев и др.; в Республике Бурятия это Баргузинский район – 74 % и др.; в Забайкальском крае это большая часть региона: Акшинский – 74 %, Балейский – 90 % и другие.

Высокая подвижность именно пришлого населения подтверждается изменениями численности местных уроженцев и мигрантов за 2010–2020 гг. (рис. 5). Значительная миграционная убыль за этот период в первоочередном порядке коснулась прослойки населения, уже имеющего миграционный опыт, а именно мигрантов. Прежде всего, значительно потеряли территории, социально-экономическое и транспортное развитие которых изначально было связано с притоком мигрантов, например в Забайкальском крае это Краснокаменский район (–14316 чел. пришлых жителей); в Республике Бурятия – Кяхтинский (–10753 чел.), в Иркутской области – Тайшетский (–24454 чел.). На рисунке 5 МО, выделяющиеся значительной убылью мигрантов, непосредственно связаны с наличием железнодорожных магистралей, что говорит о тревожной тенденции –

транспортный каркас территории на современном этапе не способен оказывать удерживающее влияние на миграционную составляющую в регионах, как это было ранее. Это согласуется с мнением Н. В. Воробьева и его коллег о доминировании агломерационных эффектов над магистральными и «росте населения урбанизированных агломерационных пространств при сокращении населения всей периферии, включая остальные примагистральные пространства Транссибирского коридора» [6, с. 58]. Миграционный прирост пришлого населения отмечался только в Иркутском, Тарбагатайском, Иволгинском районах. Пригородный Читинский район за этот период выделялся убылью жителей, что является индикатором значительного социально-экономического неблагополучия центральной части региона.

Практически повсеместно с 2010 года наблюдается сокращение местных уроженцев территорий, причем характер этих изменений можно представить, сгруппировав МО по уровню этих трансформаций, учитывая влияние процессов рождаемости и внутрирайонной миграции (рис. 5). Наибольшее истощение ресурсов собственных территорий характерно для 5 МО Забайкальского края и Иркутской области – 4 группа. Для Республики Бурятия только в Курумканском районе схожие тенденции. Она характеризуется *высокой миграционной убылью* местных уроженцев, не компенсируемой рождаемостью и процессами урбанизации. В городской местности регионов наихудшая ситуация в г. Чите – их убыль составила 5472 человека. В Иркутской области подобная ситуация прослеживается для г. Братска – его потери насчитывают 3756 чел.

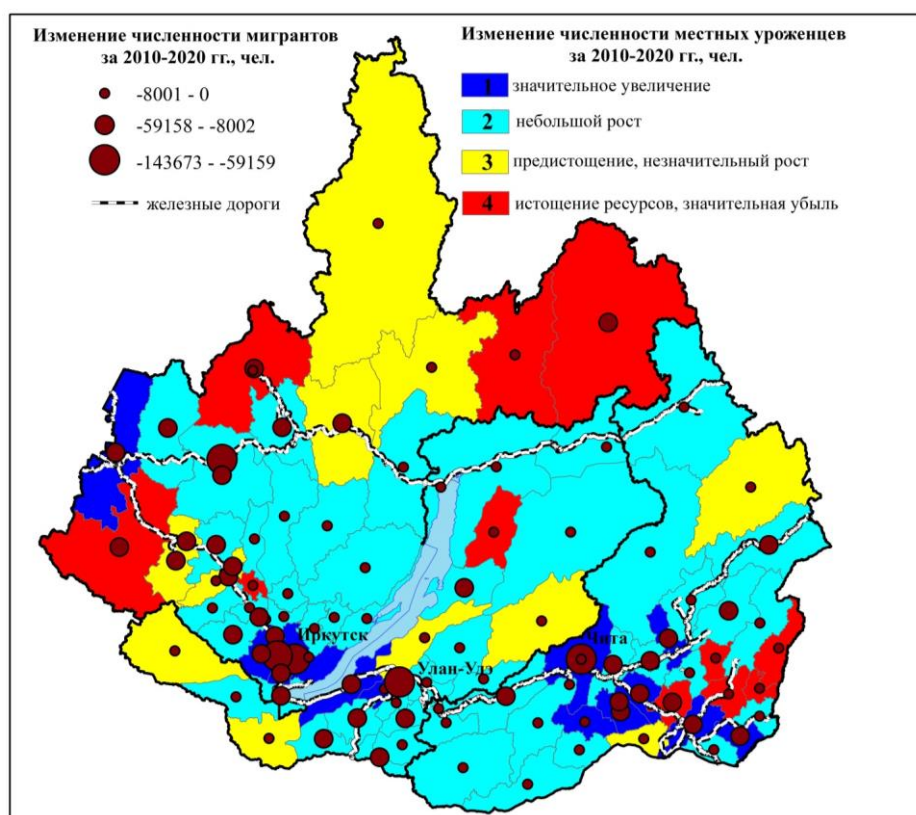


Рис. 5. Изменение численности местных уроженцев и мигрантов по МО с 2010 г. к 2020 г., чел.

Fig. 5. Change in the number of local natives and migrants in the municipal districts from 2010 to 2020, people

Риск *будущего истощения (предистощение)* с незначительным приростом местных уроженцев за счет рождаемости на фоне продолжающегося оттока – 3 группа – наблюдался в 7 районах Иркутской области, в 4-х – в Республике Бурятия и в 2 – в Забайкальском крае. В нее попали города Иркутской области – Зима (прирост 3278 чел.), Саянск (888 чел.), Тулун (1934 чел.), Усть-Илимск (513 чел.). Для самого Иркутска прирост местных уроженцев незначительный – 1150 чел. Приведенные данные отражают усиление демографического кризиса в городской местности Иркутской области по сравнению с соседними регионами.

На большей части районов Забайкальского края и Республики Бурятия наблюдался рост численности местных уроженцев, обусловленный не только рождаемостью, но и высокой внутрирайонной миграцией. Для *второй группы* МО эти показатели *прироста местных уроженцев не сильно высокие*. Так, в Куйтунском районе Иркутской области прирост числа уроженцев составил 4933 чел. Аналогичная ситуация в Кяхтинском районе Республики Бурятия: прирост уроженцев составил 4959 чел. В Забайкальском крае в эту группу входит г. Петровск-Забайкальский: прирост уроженцев составил 1633 чел.

Первая группа объединяет МО со *значительным приростом* численности местных уроженцев, обеспеченным за счет внутрирайонных перемещений и рождаемости. Так, в поселке Агинское Забайкальского

края их прирост составил 9074 чел., здесь наллюдается проявление влияния миграционной подвижности жителей. В пригородных МО отмечались особенно высокие показатели прироста. Так, в Иркутском районе прирост местных уроженцев к 2020 г. составлял 26378 чел., в Иволгинском – 7751 чел., в Читинском – 11553 чел. В городе Улан-Удэ было зарегистрировано их значительное увеличение – на 69036 чел., обусловленное высокой рождаемостью и результатами миграционных перемещений молодежи из сельской местности.

В целом по регионам наибольший прирост местных уроженцев за этот период зарегистрирован в Иркутской области – почти 200 тыс. чел., в Республике Бурятия – почти 150 тыс. чел., в Забайкальском крае – чуть более 100 чел.

Новосёлы и старожилы в структуре пришлого населения. Более полно миграционную подвижность населения можно представить на основе анализа структуры пришлого населения. Наиболее подвижной считается прослойка новосёлов, проживших в местах вселения не более 2-х лет, она же отражает привлекательность МО для миграции.

Пространственное распределение удельного веса новосёлов в структуре мигрантов на территории БР коррелирует с локализацией зон активной хозяйственной деятельности и функционирования железнодорожных магистралей, территориями с активными процессами урбанизации и субурбанизации (рис. 6).

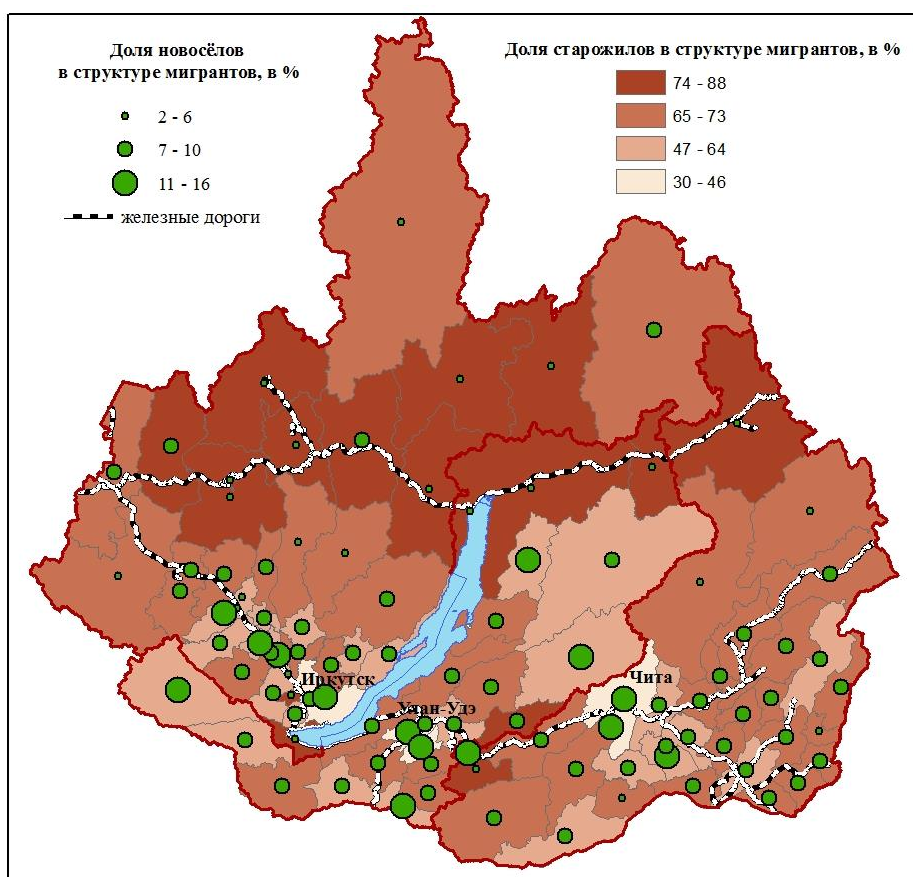


Рис. 6. Дифференциация территории Байкальского региона по доле старожилов и новосёлов в структуре мигрантов в 2020 г.

Fig. 6. Differentiation of the Baikal region territory by the share of long-time residents and new settlers in the structure of migrants in 2020

Так, высокие доли новосёлов, превышающие 9 %, наблюдаются в большинстве МО Республики Бурятия – 52 %, в Забайкальском крае – в 23 % МО, в Иркутской области – 18 % территории. Эти показатели связаны не только с притоком пришлого населения из других регионов, но в основном с внутрирегиональными перемещениями собственных жителей. Это в очередной раз отражает уровень миграционной подвижности в регионах. Пригородные районы также отличаются высокими показателями: Иркутский район – 18,5 %, Читинский – 15 %, Тарбагатайский – 14,3 %, Иволгинский – 12,5 % новосёлов.

Северные территории БР отличаются низким удельным весом новосёлов несмотря на наличие железнодорожных магистралей. Объясняется это может как протекающими процессами депопуляции населения, так и низкой внутрирайонной миграционной подвижностью жителей – демографические ресурсы этих территорий, скорее всего, уже ограничены. Миграционная привлекательность данных территорий все больше снижается, что в совокупности с демографическими проблемами обуславливает их все большее постепенное обезлюдение.

Противоположным показателю миграционной подвижности переселенцев является показатель их приживаемости или закрепляемости в местах вселения, основанный на доле старожилов в структуре пришлого населения. Основная часть территорий БР отличается средней приживаемостью переселенцев с долей старожилов в МО от 65 до 73 % (рис. 6). По этому показателю особо выделяются северные районы (доля старожилов более 74 %), по территории которых проходят железнодорожные магистрали. В Иркутской области это 27 % МО, в Республике Бурятия – 14 %, в Забайкальском крае – всего лишь 3 %. На наш взгляд, это не противоречит приведенным выше результатам (рис. 4, 5): на фоне миграционной подвижности населения, преимущественно пришлого, приживаемость переселенцев в этих местах сопряжена с переселением сюда еще в советский период жителей, связанных с функционированием и обслуживанием железнодорожных магистралей. В настоящее время они относятся к категории людей старше трудоспособного возраста, отличаются социальным укоренением в местах своего проживания и низкими миграционными намерениями. Подтверждением этому является то, что более половины числа старожилов в регионах составляют жители, переселившиеся сюда более 30 лет назад (в 1991 г. и ранее): по Иркутской области эта прослойка составляет более 59 %, по Забайкальскому краю и Республике Бурятия – более 50 %. Та же тенденция прослеживается по МО. На наш взгляд, высокая миграционная подвижность жителей северных районов связана с прослойкой именно пришлого, неукорененного населения и местных жителей молодого возраста.

Особо стоит отметить, что наиболее низкая приживаемость жителей отмечалась в пригородных районах: Иволгинском (30,4 % старожилов в структуре мигрантов), Тарбагатайском (31 %), Иркутском (19 %), Читинском (46,5 %). Это зоны активных процессов субурбанизации, концентрирующие потоки внутрирайонных перемещений, за счет чего в них высока доля переселенцев. Если в случае с Республикой Бурятия низкая приживаемость связана с переселением жителей преимущественно из сельской местности, активно заселяющих пригородную зону [3], то для Иркутской области, по мнению К. В. Григоричева, «в таком высоко урбанизированном регионе, в условиях исчерпанного миграционного потенциала села основу формирования субурбии составляют именно горожане, осваивающие пригород» [7, с. 40]. Активность этих процессов способствовала формированию городских агломераций в пределах г. Иркутска и г. Улан-Удэ. Забайкальский край значительно отстает от соседних субъектов в процессах формирования пригородных зон. Как показывают результаты анализа, население края (как местные уроженцы, так и пришлые жители) не задерживается в регионе, формируя значительные межрегиональные потоки миграции. Не удерживает население и краевой центр, поскольку среди региональных столиц у него самая низкая приживаемость жителей – 61 % старожилов в структуре мигрантов, при этом в г. Иркутске – 64 %, в г. Улан-Удэ – 63 %.

Выводы

Исследование выявило пространственную неоднородность миграционной подвижности населения Байкальского региона, ее специфику в каждом регионе. В Иркутской области миграционные потоки направлены в основном за пределы региона и формируются преимущественно жителями городской местности. В Забайкальском крае их наполнение идет за счет высокого оттока населения из городской и сельской местности, сопровождающегося значительными внутрирегиональными перемещениями. В Республике Бурятия отток жителей значительно ниже, его миграционные потоки формируются на фоне высокой рождаемости. При этом межрегиональный отток представлен преимущественно жителями городской местности, а внутрирегиональные перемещения характеризуются высокой интенсивностью. Результаты анализа внутрирегиональных перемещений позволяют говорить о большей подвижности сельского населения Забайкальского края – у него самые высокие значения миграционного оттока, что свидетельствует о значительном кризисе и большей депопуляции по сравнению с другими регионами.

На основе показателя ПНП жителей исследована генезисная структура населения, участвующего в формировании миграционных потоков в регионах. Анализ показал, что их основу формирует пришлое население: для всех территорий БР к 2020 г. отмечалась его существенная миграционная убыль. Значительно потеряли территории, развитие которых изначально было связано с притоком мигрантов.

Анализ доли местных уроженцев в структуре населения МО выявил повышенную миграционную подвижность населения Иркутской области и Республики Бурятия. В Забайкальском крае такие высокие значения показателя наблюдались в большинстве его районов, что может говорить об «искусственной» замедленности миграционных процессов, несмотря на значительный отток жителей, и может объясняться высокими внутрирайонными перемещениями, не отраженными в статистике, и последствиями пандемии. С 2010 к 2020 году на большей части Забайкальского края и Республики Бурятия наблюдались процессы роста их численности, обусловленные значительной внутрирайонной миграцией для края, высокой рождаемостью и миграцией для республики. В Иркутской области на большей части региона преобладали процессы убыли их численности. Прирост местных уроженцев в г. Иркутске незначительный. В городской местности наибольшие потери наблюдались в г. Чите и г. Братске. В городе Улан-Удэ было зарегистрировано их значительное увеличение, являющееся следствием агломерационного эффекта и повышенных воспроизводственных установок жителей.

Миграционные потери пришлого населения характерны для всех МО БР, и их количественные потери преобладали над оттоком уроженцев. По потерям пришлого населения лидирует Иркутская область. Прирост

наблюдался лишь в пригородных районах – в Иркутском, Тарбагатайском, Иволгинском районах, связанный с процессами субурбанизации.

Анализ удельного веса новосёлов в структуре пришлого населения БР подтвердил повышенную миграционную подвижность населения, характерную для южной части МО Байкальского региона.

Рассмотрение доли старожилов в пришлом населении выявило, что северные районы БР в местах прохождения железнодорожных магистралей отличаются высокой приживаемостью переселенцев, связанной с укоренением жителей советского периода вселения. Основная часть регионов характеризуется средней приживаемостью переселенцев, а наиболее низкая приживаемость отмечалась в пригородных районах.

Трансграничность Байкальского региона определяет активное внимание к вопросам заселённости территории. Миграционная подвижность населения БР определяет уникальность протекающих глубинных процессов, что вызывает необходимость индивидуального подхода в решении существующих проблем каждого региона. Представленные результаты могут быть использованы в детализации миграционных процессов в регионах БР, для подготовки региональных программ развития территорий с учетом их особенностей, разработки рекомендаций в принятии управленческих решений. Они могут оказаться полезными в решении проблем приживаемости и закрепляемости пришлого населения в регионах, подготовки проектов эффективной миграционной политики сохранения демографических ресурсов местного сообщества на приграничных территориях. Выявленные закономерности позволяют говорить о серьезных миграционных проблемах Байкальского региона, актуализируя философский вопрос: пространство для населения или население для пространства?

Библиографический список

1. Абылкаликов С. И. Миграционная активность и приживаемость населения регионов России // Региональные исследования. 2015. № 3(49). С. 65–73. EDN: SYSJRK
2. Ахметова Г. Ф. Местные уроженцы и мигранты в структуре населения России и Башкортостана // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 2. С. 86–95. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.7 EDN: BBWWLI
3. Бреславский А. С. Внутренняя миграция и формирование пригородных сообществ Улан-Удэ // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2012. № 2(9). С. 52–59. EDN: RJIBXD
4. Булаев В. М. Очерки социально-демографической ситуации в России на начало XXI века: Миграция населения. Особенности расселения и приживаемости коренных народов в регионах страны. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2012. 142 с. ISBN: 978-5-7925-0367-0 EDN: RUNPMH
5. Бюраева Ю. Г. Внутрорегиональная миграция в Республике Бурятия: объемы, направления, последствия // ЭКО. 2023. № 4(586). С. 149–165. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-4-149-165 EDN: LKYDAA
6. Воробьев Н. В., Воробьев А. Н., Инполитова Н. А. Опорный каркас населения и производства Байкальского региона в пределах Транссибирского транспортного коридора // Географический вестник = Geographical bulletin. 2025. № 1(72). С. 50–61. DOI: 10.17072/2079-78772025-1-50-61 EDN: YXIGFS
7. Григоричев К. В. Субрегиональные миграции и формирование пригородов сибирского города // Мир Большого Алтая. 2017. Т. 3, № 1. С. 31–42. EDN: YJHIUL
8. Зайончковская Ж. А., Переведенцев В. И. Проблема приживаемости новоселов и методы ее изучения // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1965. Вып. 2, № 5. С. 71–77.
9. Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 5. С. 46–59. DOI: 10.15356/0373-2444-2016-5-46-59 EDN: WLWYHX
10. Корель И. И., Корель Л. В. Современные контрасты межрегиональной миграции в России // Регион: экономика и социология. 2014. № 2(82). С. 137–154. EDN: QQFXZG DOI: 10.1134/S2079970515020057
11. Максимова А. С. Миграционная подвижность населения и ее оценка // Миграция и социально-экономическое развитие. 2016. Т. 1, № 2. С. 97–110. DOI: 10.18334/migration.1.2.38083 EDN: ZDDRLP
12. Моисеенко В. М. Внутренняя миграция населения. М.: ТЕИС, 2004. 285 с. ISBN: 5-7218-0592-7 EDN: QOOXVV
13. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. (Очерки теории и методов исследования). М.: Экон-информ, 2003. 217 с.
14. Рыбаковский Л. Л. Закономерности и особенности межрегиональных миграционных связей населения России за 50 лет. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 471 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-383-6.2021 EDN: CCHKVJ
15. Содномпилова М. М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокальных сообществ // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009. С. 163–184. EDN: UDTCAP
16. Топилин А. В., Воробьева О. Д., Максимова А. С., Гребенюк А. А., Лебедева Т. В. Территориальные сдвиги в размещении населения РФ и социально-экономическое развитие регионов. М.: Креативная экономика, 2018. 168 с. DOI: 10.18334/9785912922145 ISBN: 978-5-91292-214-5 EDN: FZRYSD
17. Ходенко С. В. Миграционные процессы и их влияние на формирование постоянного населения России. М.: Экон-Информ, 2010. 375 с. ISBN: 978-5-9506-0566-6 EDN: QOPKQD
18. Chacko E., Price M. (Un) settled sojourners in cities: the scalar and temporal dimensions of migrant precarity // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2020. Vol. 47, No. 20. Pp. 4597–4614. DOI: 10.1080/1369183X.2020.1731060 EDN: OAZIAB
19. Cresswell T. Towards a politics of mobility // Environment and Planning D: Society and Space. 2010. Vol. 28, No. 1. Pp. 17–31. DOI: 10.1068/d11407
20. Feldman M. P., Kogler D. F. Stylized Facts in the Geography of Innovation // Handbook of the economics Innovation. 2010. Vol. 1. Pp. 381–410. DOI: 10.1016/S0169-7218(10)01008-7
21. Foster Th. B. Decomposing American immobility: Compositional and rate components of interstate, intrastate, and intracounty migration and mobility decline // Demographic research. 2017. Vol. 37. Pp. 1515–1548. DOI: 10.4054/DemRes.2017.37.47

22. Hannam K., Sheller M., Urry J. Editorial: Mobilities, Immobilities and Moorings // *Mobilities*. 2006. Vol. 1, No. 1. Pp. 1–22. DOI: 10.1080/17450100500489189
23. King R. Geography and Migration Studies: Retrospect and Prospect // *Population, Space and Place*. 2012. Vol. 18, No. 2. Pp. 134–153. DOI: 10.1002/psp.685
24. Lacroix Th., Misrahi-Barak J. Rethinking Transnational Places as Migratory Ecotones // *Population, Space and Place*. 2025. Vol. 31, No. 4. DOI: 10.1002/psp.70034 EDN: JBOUHS
25. Land K. C. Duration of residence and prospective migration: Further evidence // *Demography*. 1969. Vol. 6, No. 2. Pp. 133–140. DOI: 10.2307/2060387
26. Liempt I. Migration, space and place // *Comparative Migration Studies*. 2025. Vol. 13. P. 1185. DOI: 10.1186/s40878-025-00480-w EDN: CYFKPZ
27. Millán-Franco M., Gómez-Jacinto L., Hombrados-Mendieta I., González-Castro F., García-Cid A. The Effect of Length of Residence and Geographical Origin on the Social Inclusion of Immigrants // *Psychosocial Intervention*. 2019. Vol. 28, No. 3. Pp. 119–130. DOI: 10.5093/pi2019a10
28. Morrison P. A. Duration of residence and prospective migration: the evaluation of a stochastic model // *Demography*. 1967. Vol. 4, No. 2. Pp. 553–561. DOI: 10.2307/2060298
29. Sheller M., Urry J. Mobilizing the New Mobilities Paradigm // *Applied Mobilities*. 2016. Vol. 1, No. 1. Pp. 10–25. DOI: 1080/23800127.2016.1151216
30. Wang Y., Liu Y., Li Y., Li T. The spatio-temporal patterns of urban–rural development transformation in China since 1990 // *Habitat International*. 2016. Vol. 53. Pp. 178–187. DOI: 10.1016/j.habitatint.2015.11.011

References

1. Abylkalikov S. I. Migratsionnaya aktivnost' i prizhivaemost' naseleniya regionov Rossii [Migration Activity and Adaptability of the Population in Russian Regions]. *Regional Research of Russia*, 2015, no. 3 (49), pp. 65–73. (In Russ.) EDN: SYSJRK
2. Akhmetova G. F. Local natives and migrants in the population structure of Russia and Bashkortostan DEMIS. *Demographic Research*, 2021, vol. 1, no. 2, pp. 86–95. (In Russ.) DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.7 EDN: BBWWLI
3. Breslavskii A. S. Vnutrennyaya migratsiya i formirovanie prigorodnykh soobshchestv Ulan-Ude. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"*, 2012, no. 2(9), pp. 52–59. (In Russ.) EDN: PJIBXD
4. Bulaev V. M. Ocherki sotsial'no-demograficheskoi situatsii v Rossii na nachalo XXI veka: Migratsiya naseleniya. Osobennosti rasseleniya i prizhivaemosti korennykh narodov v regionalakh strany [Essays on the socio-demographic situation in Russia at the beginning of the 21st century: Population migration. Features of the settlement and adaptation of indigenous peoples in the country's regions]. Ulan-Ude: BNTS SO RAN, 2012. 142 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-7925-0367-0. EDN: RUNPMH
5. Byuraeva Yu. G. Intraregional migration in the republic of Buryatia: volume, directions, consequences. *ECO*, 2023, no. 4(586), pp. 149–165. (In Russ.) DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-4-149-165 EDN: LKYDAA
6. Vorobyev N. V., Vorobyev A. N., Ippolitova N. A. The population and production frame work in the Baikal region within the Trans-Siberian transport corridor. *Geographical bulletin*, 2025, no. 1(72), pp. 50–61. (In Russ.) DOI: 10.17072/2079-78772025-1-50-61 EDN: YXIGFS
7. Grigorichev K. V. Subregional'nye migratsii i formirovanie prigorodov sibirskogo goroda [Subregional Migrations and the Formation of Suburbs in a Siberian City]. *World of Great Altai*, 2017, vol. 3, no. 1, pp. 31–42. (In Russ.) EDN: YJHIUL
8. Zaionchkovskaya Zh. A., Perevedentsev V. I. Problema prizhivaemosti novoselov i metody ee izucheniya [The problem of newcomers' adaptation and methods of studying it]. *Proceedings of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Series: Social Sciences*, 1965, vol. 2, no. 5, pp. 71–77. (In Russ.)
9. Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. The Role of Migration in Increasing Settlement Contrasts at the Municipal Level in Russia, *Izvestia of the Russian Academy of Sciences. Geographical series*, 2016, vol. 5, pp. 46–59 (In Russ.). DOI: 10.15356/0373-2444-2016-5-46-59
10. Korel', I.I., Korel', L.V. Modern Contrasts of Interregional Migration in Russia, *Region: Economics and Sociology*, 2014, vol. 2 (82), pp. 137–154 (In Russ.). DOI: 10.1134/S2079970515020057
11. Maksimova A. S. Migration mobility of the population and its assessment. *Migration and Social Development*, 2016, vol. 1, no. 2, pp. 97–110. (In Russ.) DOI: 10.18334/migration.1.2.38083 EDN: ZDDRLP
12. Moiseenko V. M. Vnutrennyaya migratsiya naseleniya [Internal migration of the population]. Moscow: TEIS, 2004. 285 p. (In Russ.) ISBN: 5-7218-0592-7 EDN: QOOXVV
13. Rybakovskii L. L. Migratsiya naseleniya. Tri stadii migratsionnogo protsessa. (Ocherki teorii i metodov issledovaniya) [Population Migration. Three Stages of the Migration Process. (Essays on Theory and Research Methods)]. Moscow: Ekon-inform, 2003. 217 p. (In Russ.)
14. Rybakovskij O. L. Zakonomernosti i osobennosti mezhregional'nykh migratsionnykh svyazey naseleniya Rossii za 50 let [Patterns and features of interregional migration links in Russia over the past 50 years], Moscow, 2022. FNIC RAS, 471 p. (in Russ.)
15. Sodnompilova M. M. Sel'sko-gorodskaya migratsiya v Buryatii: formirovanie translokal'nykh soobshchestv [Rural-Urban Migration in Buryatia: Formation of Translocal Communities]. *City and Village in Post-Soviet Buryatia: Social and Anthropological Essays. Ulan-Ude: BSC SB RAS*, 2009, pp. 163–184. (In Russ.) EDN: UDTCAP
16. Topilin A. V., Vorobyeva O. D., Maximova A. S., Grebenyuk A. A., Lebedeva T. V. Territorial changes in population distribution in the Russian Federation and socio-economic development of regions. Moscow: Creative Economy, 2018. 168 p. (In Russ.) DOI: 10.18334/9785912922145 EDN: FZRYSD
17. Khodenko S. V. Migratsionnye protsessy i ikh vliyanie na formirovanie postoyannogo naseleniya Rossii [Migration processes and their impact on the formation of Russia's permanent population]. Moscow: Ekon-Inform, 2010. 375 p. (In Russ.) EDN: QOPKQD
18. Chacko E., Price M. (Un) settled sojourners in cities: the scalar and temporal dimensions of migrant precarity. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2020, vol. 47, no. 20, pp. 4597–4614. DOI: 10.1080/1369183X.2020.1731060 EDN: OAZIAB
19. Cresswell T. Towards a politics of mobility. *Environment and Planning D: Society and Space*, 2010, vol. 28, no. 1, pp. 17–31. DOI: 10.1068/d11407

20. Feldman M. P., Kogler D. F. Stylized Facts in the Geography of Innovation. *Handbook of the economics Innovation*, 2010, vol. 1, pp. 381–410. DOI: 10.1016/S0169-7218(10)01008-7
21. Foster Th. B. Decomposing American immobility: Compositional and rate components of interstate, intrastate, and intracounty migration and mobility decline. *Demographic research*, 2017, vol. 37, pp. 1515–1548. DOI: 10.4054/DemRes.2017.37.47
22. Hannam K., Sheller M., Urry J. Editorial: Mobilities, Immobilities and Moorings. *Mobilities*, 2006, vol. 1, no. 1, pp. 1–22. DOI: 10.1080/17450100500489189
23. King R. Geography and Migration Studies: Retrospect and Prospect. *Population, Space and Place*, 2012, vol. 18, no. 2, pp. 134–153. DOI: 10.1002/psp.685
24. Lacroix Th., Misrahi-Barak J. Rethinking Transnational Places as Migratory Ecotones. *Population, Space and Place*, 2025, vol. 31, no. 4. DOI: 10.1002/psp.70034 EDN: JBOUHS
25. Land K. C. Duration of residence and prospective migration: Further evidence. *Demography*, 1969, vol. 6, no. 2, pp. 133–140. DOI: 10.2307/2060387
26. Liempt I. Migration, space and place. *Comparative Migration Studies*, 2025, vol. 13, pp. 1185. DOI: 10.1186/s40878-025-00480-w EDN: CYFKPZ
27. Millán-Franco M., Gómez-Jacinto L., Hombrados-Mendieta I., González-Castro F., García-Cid A. The Effect of Length of Residence and Geographical Origin on the Social Inclusion of Immigrants. *Psychosocial Intervention*, 2019, vol. 28, no. 3, pp. 119–130. DOI: 10.5093/pi2019a10
28. Morrison P. A. Duration of residence and prospective migration: the evaluation of a stochastic model. *Demography*, 1967, vol. 4, no. 2, pp. 553–561. DOI: 10.2307/2060298
29. Sheller M., Urry, J. Mobilizing the New Mobilities Paradigm. *Applied Mobilities*, 2016, vol. 1, no. 1, pp. 10–25. DOI: 1080/23800127.2016.1151216
30. Wang Y., Liu Y., Li Y., Li T. The spatio-temporal patterns of urban–rural development transformation in China since 1990. *Habitat International*, 2016, vol. 53, pp. 178–187. DOI: 10.1016/j.habitatint.2015.11.011

Статья поступила в редакцию: 28.11.25, одобрена после рецензирования: 23.06.26, принята к опубликованию: 12.09.26.

The article was submitted: 28 November 2025; approved after review: 23 June 2026; accepted for publication: 12 September 2026.

Информация об авторах

Ксения Владимировна Парфенова

Кандидат географических наук, научный сотрудник,
Институт природных ресурсов, экологии и криологии
Сибирского отделения Российской академии наук;
672014, г. Чита, ул. Недорезова, д. 16а
ORCID: 0000-0002-7731-4871, Scopus Author ID:
57195959454, ResearcherID: E-4695-2018,
SPIN-код: 9415-1818, eLibrary AuthorID: 618825

e-mail: gorina08@yandex.ru

Information about the authors

Kseniya V. Parfenova

Candidate of Geographical Sciences, Researcher,
Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences;
16a, Nedorezov st., Chita, 672014, Russia
ORCID: 0000-0002-7731-4871, Scopus Author ID:
57195959454, ResearcherID: E-4695-2018,
SPIN-code: 9415-1818, eLibrary AuthorID: 618825

Лариса Михайловна Фалейчик

Кандидат технических наук, доцент,
старший научный сотрудник, Институт природных
ресурсов, экологии и криологии Сибирского отделения
Российской академии наук;
672014, г. Чита, ул. Недорезова, д. 16а
ORCID: 0000-0003-2963-1992,
Scopus Author ID: 15122175500, ResearcherID: B-4346-
2016, SPIN-код: 8275-9382, eLibrary AuthorID: 159157

e-mail: lfaleychik@bk.ru

Larisa M. Faleychik

Candidate of Engineering, Associate Professor,
Senior Researcher, Institute of Natural Resources,
Ecology and Cryology, Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences;
16a, Nedorezov st., Chita, 672014, Russia
ORCID: 0000-0003-2963-1992,
Scopus Author ID: 15122175500, ResearcherID: B-4346-
2016, SPIN-code: 8275-9382, eLibrary AuthorID: 159157

Вклад авторов

Парфенова К. В. – идея, сбор и анализ материалов, создание иллюстративного материала, написание и оформление статьи.

Фалейчик Л. М. – обработка и анализ данных, создание иллюстративного материала, редактирование и оформление текста статьи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

Kseniya V. Parfenova – the concept; collection and analysis of materials; creation of illustrative material; writing and formatting of the article.

Larisa M. Faleychik – data processing and analysis; creation of illustrative material; editing and formatting of the article.

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.